

Иоганнес Мюллер

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Выдающиеся немецкие теологи

Иоганнес Мюллер

Нагорная проповедь

«Отто Райхль»

Мюллер И.

Нагорная проповедь / И. Мюллер — «Отто Райхль»,
— (Выдающиеся немецкие теологи)

Эта книга – особое событие в постижении людьми Нагорной проповеди. В один из самых продуктивных периодов своей жизни Иоганнес Мюллер (1864–1949) жил в замке Мейнбург, где в необычайном духовном озарении постиг всю глубину Нагорной проповеди: «То было явное прямое опытное постижение Бога без какого-либо внешнего побуждения или способствующего тому переживания, когда в январе 1904 года на меня сошла Нагорная проповедь и овладела мною, так что я на протяжении нескольких недель буквально горел ею. Скрытое в этой Проповеди вспыхивало во мне то похожими на молнии лучами истины, то видениями из некоего ранее неведомого мне мира, тогда как я сам находился в состоянии наивысшего, чуть ли не предельного напряжения».

© Мюллер И.

© Отто Райхль

Содержание

Предисловие к новому изданию	5
Введение	6
Как нам быть со Словом Иисуса	6
Условие верного понимания	9
Путь к живому пониманию	12
Предпосылки живого понимания	15
Место и значение Нагорной проповеди в делах Иисуса	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Иоганнес Мюллер

Нагорная проповедь

Предисловие к новому изданию

Я весьма охотно исполняю желание Бернхарда Мюллера-Эльмау выпустить новым изданием «Нагорную проповедь» его отца. Иоганнес Мюллер и Генрих Лоцкий, эти два «Апостола истины», создали или скорее открыли нам сокровище духовных ценностей, о котором сегодня знают лишь немногие.

Одновременно я чувствую себя обязанным дать следующее пояснение к настоящему толкованию Нагорной проповеди. В нем неоднократно используются понятия типа «иудей, иудейский» и т. п., выставляемые в соответствующем контексте в не слишком выгодном свете. Смягчить же подобные места или несколько изменить их, не лишая тем самым красок главные моменты настоящего произведения, не представляется возможным. Других же путей нет. Не будем забывать, что Иисус жил и действовал среди еврейского народа и предания о Его деяниях неизбежно и естественно имеют иудейский оттенок, отвечающий миру представлений живших тогда людей. И посему, встречая в дальнейшем эти понятия и представления, будем соотносить их с условиями того времени. Переносить же их в нашу эпоху недопустимо.

Издатель

Введение

Как нам быть со Словом Иисуса

Особенностью нашего времени является то, что почти все духовные движения современности пытаются связать себя с историческим явлением Иисуса или невольно склоняются к этому, как бы рьяно они ни отвергали церковный характер предания о Нем и его использование христианской религией. Даже если оставить без внимания взлет церковной жизни и главенствующее положение личности Иисуса как таковой, по крайней мере, в протестантизме, то все равно приходится признать, что еще никогда в повседневной духовной жизни роль Иисуса не была столь значительной, как в наши дни. И средоточием такого интереса, в котором сегодня, как в фокусе, собираются все лучи, исходящие от личности Иисуса, является Нагорная проповедь. Ее называют «Евангелием Евангелия», концентрированным выражением того, чего Он хотел от нас.

Вряд ли сегодня найдется такой исследователь, который в своих попытках разгадать секрет человека, разрешить проблему истинной культуры или ответить на великие вопросы нашего бытия и нашей жизни смог бы обойтись без Иисуса. Напротив, всех этих исследователей влечет к Нему некая магическая сила. Все они испытывают непреодолимое желание ссылаться на Него и делать предание о Нем краеугольным камнем (хотя и нередко причудливо обтесанным) возводимого ими здания. Кто Его не понимает, тому приходится с Ним, по меньшей мере, спорить. Но не замечать Его нельзя. И здесь тоже проявляется Его притягательная сила. Именно заклятым врагам Иисуса труднее всего отделаться от Него. Ницше боролся с Ним всю жизнь.

В этом явлении отражается та истина, что Иисус почему-то, но бесспорно, становится поворотным моментом в судьбе людей, и возникает ощущение, что мы вправе прежде всего именно от Него ожидать решений наших бед и наставлений касательно нашего будущего. И совершенно неважно, какого мировоззрения придерживается тот или иной человек. Сегодня ни материализм, ни атеизм не в силах помешать кому-либо обратиться к Иисусу, ибо людей к Нему толкают житейские скорби и надежда найти у Него источники жизни.

Но отыскать их не так просто. Чаще всего происходит то, что на первый взгляд никак не увязывается с Его сегодняшней притягательной силой: лишь очень немногим удается ощутить естественную и свою собственную связь с обликом и проявлениями этой уникальной личности. Большинство честно ищущих людей, которым я на протяжении многих лет в ответ на их острое желание обрести наставника указывал на Иисуса, после добросовестных попыток следовать этому в конечном счете с горечью признавались, что предание о Нем им лично по-прежнему остается чуждым, непонятным и недоступным. Такое не объяснишь лишь тем, что все услышанное нами о Нем опошлено и затаскано традиционными занятиями по изучению Закона Божьего. Этому еще можно было бы как-то противостоять, например, обратившись к другим переводам.

Скорее всего дело в неверной интерпретации. Как бы мы хорошо ни знали речи Иисуса и Его дела, нам только кажется, будто мы приблизились к ним. В действительности же они нам непривычны и недоступны, и это неизбежно, прежде всего по причине отличий нашего образа жизни и временной их отдаленности от нас. Слова и выражения Его речей кажутся нам знакомыми, но вот простого и естественного отношения к их содержанию у нас не возникает, и посему нет нам от них никакого проку. С Его делами все ясно, но что касается Его слова, то тут большинство людей напрасно обольщаются. И так будет продолжаться до тех пор, пока однажды их внутренний страх и внутренняя потребность в становлении собственной лично-

сти не заставят их всерьез искать у Него помощи лично для себя. И тогда возникает разочарование из-за неспособности прямо связать мучительные обстоятельства собственной жизни с исходящими от Него жизненными импульсами. Поэтому нынешние Ищущие должны вначале сблизиться с Иисусом, иначе у них никакого контакта с Ним не получится.

Сказанному не противоречит и тот факт, что даже выдающиеся личности, в которых искание времени особенно заметно и благодаря которым оно прокладывает себе новые пути, скорее отдают Ему жизнь, нежели принимают ее от Него. Они наполняют Его речи современными идеями и собственными мыслями примерно так же, как теософия или пессимистическая философия буддизма. Они не показывают Его нам в современном одеянии, а делят Его одежды между собой и облачаются в них. Его толкуют и дополняют как кому вздумается. От достоверных результатов научных исследований, которые вот уже на протяжении целого столетия с поистине беспримерной энергией и тщательностью стремятся выявить историко-филологический смысл слова Иисуса, попросту отмахиваются, называя это пренебрежительно «теологией». Все открывают в Нем свой собственный «скромный талант», и пользуясь Им для подтверждения собственных измышлений, заставляют Его служить их делу. Вместо того, чтобы ища и вопрошая, приближаться к Нему, прислушиваясь и подражая, учиться у Него, иные подмешивают в этот таинственный источник собственную мудрость, чтобы потом черпать ее из него, изображая из себя пророков. Но такая предвзятость в собственном мнении еще не объясняет произвола современных толкований. Как мне кажется, все дело в том, что нашему времени недостает верного пути, ведущего к пониманию Иисуса.

Также я вовсе не считаю, будто основная причина подобных затруднений в том, что нынешний поиск вышел из-под влияния Церкви. Если бы недоставало всего лишь передаваемого из поколения в поколение ключа к познанию Иисуса, то кому как не Церкви следовало бы тогда открыть врата Его понимания. Но это не так.

Мы никак не можем выйти за рамки «антикварного», аскетического понимания. Нам недостает живой личной связи со словом Иисуса, равно как и его воплощения в делах. То и другое слишком редко становится поворотным событием и путеводной нитью особого образа жизни отдельных людей. Что такое «большая праведность»¹, все еще остается тайной, иначе именно церковники и были бы для сегодняшних Ищущих теми светильниками, которые помогали бы им идти верными путями в ее проявлении.

Так что здесь слово Иисуса не имеет того значения, которое так сильно впечатляет находящихся в ограде Церкви. О Нагорной проповеди судят свысока, считая, что речь идет вовсе не о вере, поскольку сама личность Иисуса в ней не играет никакой роли. И тот, кто опирается в первую очередь на нее, подозрителен. В то же время эти люди не знают, как им быть с очень многими Его высказываниями. Забытых слов Христа предостаточно. Их слушают неохотно. Более того, в последние годы, когда за пределами Церкви можно встретить немало различных умов, вновь обращающихся к Иисусу, в церковных кругах все чаще задаются вопросом, а может ли вообще слово Иисуса быть основой современной морали. И порой ответ на него отрицательный. Налицо два явления: с одной стороны, то высокомерное, то раболепное отношение Церкви к слову Иисуса, а с другой – его недоступность и бесполезность. Оба они, по моему мнению, говорят об отсутствии живой передачи и правильного понимания Его слова.

Правда, такой произвол в толковании не возможен там, где осознают необходимость историко-филологических исследований. Однако научный анализ слова Иисуса только к нему подводит, но в него не вводит. Не делает этого и возвышающая рефлексия верующей души, а только водит вокруг да около, предоставляя обширное и свободное поле более изощренному произволу религиозного толкования в окрестностях некой фиксированной точки. Рефлексия

¹ «Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф 5:20). – *Прим. перев.*

закутывает семена, не давая им прорасти и набирать силу. Она рассуждает о Евангелии, не позволяя ему самому зазвучать в нас.

При этих обстоятельствах нам прежде придется заняться вопросом о выборе пути, ведущего к верному и живому пониманию слова Иисуса, если мы хотим найти внутреннюю, истинную связь с Нагорной проповедью – как для себя, так и для нашего времени.

Условие верного понимания

Истинно действительность отражается только в ясном уме, способном все увидеть непредвзято. Так нужно подходить и к словам Иисуса, позволяя им воздействовать на нас, отбросив укоренившиеся мнения и острые желания, независимо от наших взглядов на жизнь и нашего мировоззрения. Мы должны прислушиваться к действительности с глубоким уважением, сохраняя свое сознание ясным, и тогда она откроется нам, туманная пелена прошлого рассеется, и мы, современные люди, познаем скрываемую ею истину. Быстрее всех будет продвигаться Ищущий во всех направлениях, он потому и обращается к удивительно притягательному явлению Иисуса, вопрошая: не найдется ли у Него нужных ему решений, путей и наставлений?

Но понимание слов Иисуса сдерживается и нарушается как личной, так и объективной предвзятостью, общепринятыми и укоренившимися необъективными мнениями. Более того, само положение вещей вообще исключает возможность совершенно беспристрастного подхода к Нему на начальном этапе. И прежде всего необходимо избавиться от этой предвзятости, в чем бы она ни выражалась.

Всякий считает Иисуса основателем и центром некой религии. Им Он стал для нас. Но вот был ли Он таковым и хотел ли быть, это еще вопрос. Возможно, по отношению к той роли, которую Иисус сыграл в истории последнего тысячелетия, подобная точка зрения и верна, но что касается Иисуса как конкретной исторической личности и значимости Его жизни, – это предрассудок, из-за которого все освещается чуждо и однобоко. Нам нужно его отбросить. Но сказать проще, чем сделать, а иным этого никогда не достичь. Но мы должны добиваться избавления от него всеми средствами. Давайте все же пересилим себя и однажды посмотрим на Него совершенно другими глазами. Такое вполне возможно. Ведь Его преследовали и распяли как богохульника и врага иудейской религии, а изначально исходившее от Него движение Он Сам называл не Церковь и не религия, а путь. Может быть, Он как раз и хотел освободить от религии веру как изначальное ощущение Бога?

Как бы там ни было, но мы воспринимаем Его либо как основоположника совершенно новой самобытной культуры, либо как Апостола некой социальной реформы и коренного преобразования всех человеческих отношений, либо как экстатического пророка конца Света, опровергнутого самой историей, либо как следопыта или факельщика, осветившего и открывшего нам глубины проблемы человека, либо как открывателя скрытых жизненных источников и целебных сил для живущего в разладе с собой человечества. Не исключено, что какая-либо из этих точек зрения более или менее верна, как и та, что считает его основателем религии. Я вовсе не хочу сказать, что нам надлежит сделать выбор в пользу той или иной из них, ибо тогда мы попадем из огня да в полымя. Просто нам следует однажды взглянуть на явление Христа с других сторон, взглянуться в Него, не пользуясь определениями «основатель религии» и «учитель нравственности», которым Он также не соответствует, как, например, Гете определению «министр». А если мы хотим, чтобы воздействие Иисуса на нас было совершенно объективным, то тогда, учитывая Его своеобразие, нам придется стать всесторонне открытыми людьми и не отождествлять Его вообще ни с одним из господствующих представлений о Нем. Мы должны смотреть на Него прежде всего как на единственного в своем роде, пока однажды не поймем, кто же Он на самом деле, и лишь потом примемся искать в истории Ему подобного, чтобы сравнить Его с ним.

Сказанное относится как к явлению Иисуса вообще, так и к Нагорной проповеди, в частности. И здесь над всеми толкованиями тяготеет рок предубеждений. В Нагорной проповеди видят скрижали Нового Завета, основные положения Иисусовой морали, абсолютный

нравственный закон, непревзойденный по своей глубине и чистоте. Сколько слов, столько и предубеждений.

Но Нагорная проповедь никакой не нравственный закон. Она вовсе не хочет и не может быть им. Возможно, в какой-то части она воспринимается именно так, но ее истинное значение вовсе не в этом. Любой нравственный закон должен быть действительным для всех и не требовать от человека чего-то невозможного. Но Нагорная проповедь обращается к строго ограниченному кругу избранных людей, и ее наставления, если воспринимать их как нравственные заповеди, по сути сплошь и рядом невыполнимы. Последовательный радикализм Толстого доказал, что нормы Нагорной проповеди, если их действительно повсеместно провести в жизнь, неминуемо вызвали бы распад нашей государственной жизни. Отпала бы надобность в военной службе, равно как и в гражданско-правовом и уголовном правосудии, перестали бы действовать экономическая конкуренция и естественный закон взаимных интересов.

С другой стороны, разве можно обременять человека из плоти и крови моральными положениями типа: кто ссорится со своим братом, тот убийца; кто смотрит на женщину с вожделением, тот уже прелюбодействовал с нею? Разве можно требовать от человека: не противься злу, а сноси все; или: люби своих врагов (ведь любить можно, только когда тебя к этому подводит сама жизнь); пусть твоя правая рука не знает, что делает левая и т. д.?

Нет, Нагорная проповедь – сушая пытка, которой люди бесплодно истязают сами себя, или некая взвешенная реликвия, которую в смирении почитают, но ей не следуют. Однако самое убедительное доказательство того, что Нагорная проповедь не может быть общепринятым нравственным учением, находится в древнейших рукописях Евангелий. Ибо в них мы находим поправки, призванные смягчить «безумные требования» и «смелые парадоксальные заявления» до уровня приемлемых. Так, например, в положение «гневающийся на своего брата» было вставлено слово «напрасно», а в запрет на разводы внесено: «кроме вины любодеяния».

О том же свидетельствует и практика христианских Церквей. Ибо с древнейших времен в них господствует молчаливая договоренность: все «завышенные» требования считать практически необязательными. Никто и не собирается относиться ко всему со смирением, благословлять своих преследователей, пренебрегать земными благами, как предписано, или всякий раз исполнять указания Иисуса о молитве. При этом каждый хорошо осознает, что его поведение противоречит словам Иисуса. В таких случаях обычно, к примеру, говорят: «Мне не хотелось бы осуждать, но...», и потом следует вердикт, острый как судейский меч.

В результате вся Нагорная проповедь низведена с высот совершенно нового образа жизни до уровня обычного человеческого убожества. Ее опошлили, чтобы ею могли пользоваться все. Вместо того, чтобы избавиться от предубеждения и перестать считать ее нравственным законом, устранили или замаскировали трудности, связанные с ее исполнением, вот и все. Но тут же проповедовали, будто Иисус нас избавил от Закона как такового. Вот уж поистине самый что ни на есть наглядный пример того, как трудно искоренить предубеждения и как упорно они противостоят действительности и логике.

Непредвзятость должна стать сегодня необходимым условием добросовестного историко-филологического исследования изначального смысла слов Иисуса, если мы хотим достичь их верного понимания. Как бы горячо мы ни приветствовали ставшие сегодня нередкими попытки мирян добраться до подлинного смысла Нагорной проповеди, не обращая внимания ни на исторически сложившееся толкование ее Церковью, ни на предубеждения теологической братии, но именно опыт этих толкователей учит нас, что никому не дано безнаказанно заниматься этим самостоятельно, не принимая во внимание то, о чем свидетельствует наука. Мы ведь не можем выбросить из истории два тысячелетия, отделяющие нас от того времени, а значит, без посредничества историко-филологических наук не разобраться в том, что же имел

в виду Иисус. А если мы не можем даже достоверно познать, что Он имел в виду тогда, то как же добиться ясности в понимании того, что Он тем самым говорит сегодня?

Стало быть, в качестве вспомогательных наук нам потребуются новозаветная экзегетика и история нового времени. Ценность этих инструментов будет зависеть от того, как ими пользоваться. При правильном использовании эти науки дадут нам достоверные сведения о человеческих представлениях о Христе, но при этом неизбежно введут в заблуждение относительно их содержания, например, когда они пытаются выявить смысл слов Иисуса на основании того, как понимали Его современники те или иные выражения Его проповедей. Тем самым стирается грань между их изначальным и новым смыслом. Иисус употреблял общепринятые тогда выражения, но наполнял их новым содержанием до такой степени, что оно разрывало их смысловые границы и спор с Его противниками вращался именно вокруг различия смысла, который Он и они вкладывал в одни и те же слова. И разве кому-нибудь придет в голову выяснять Иисусово понятие Царства Божьего с помощью традиционной иудейской теологии?

Но научные изыскания всего лишь ключ. Нужно, чтобы кто-то открыл этим ключом смысл слов Иисуса. Даже самые скрупулезные исследования дают лишь сведения о давно устаревших понятиях, и только ощущение той жизни, когда они были в ходу, приводит к наглядному пониманию их изначального смысла. Но тут возникает вопрос: как же прийти к такому живому пониманию?

Путь к живому пониманию

То, что мы видим в прошлом, всматриваясь в него беспристрастно нашим обостренным наукой разумом, должно отражаться в нашем сознании, иначе нам не достичь живого понимания увиденного. По сути так оно и происходит. Однако этот естественный процесс, во время которого внутренне услышанные нами слова воспринимаются как живые, впоследствии нужно повторять уже сознательно и с особой тщательностью не один раз, пока не придет полное понимание увиденного. Первые же попытки в этом направлении обнаруживают, что такой простой на первый взгляд процесс подразумевает выполнение трех важнейших «переводов».

1. Прежде всего слова Иисуса нужно перевести на немецкий язык, *онемечить*, ибо они произнесены в иудейской среде и обращены к иудеям – народу особой расы и самобытной истории. Сегодня лучше, чем когда-либо, известно, что в глубинах национального всегда присутствует общечеловеческое, но каждый народ ощущает его по-своему и представляет совершенно различно. Чем больше занимаешься этим вопросом, тем непреодолимее кажутся противоречия. Различие между немецким и семитским восприятием кому-то представляется несущественным, в самом деле, ведь христианство столетиями прививало наивному немецкому духу иудейский образ мышления. И как бы энергично он ни противился этому – и сильнее всего в Лютере – почти так и не удалось до сих пор осознать, в чем, собственно говоря, его особенность. Этот дух либо вообще противился христианству, поскольку общечеловеческое приравнивал к иудейскому, и отделить одно от другого не удавалось, либо боролся с воззрениями, в которых симптоматично проявлялась духовное смешение рас, вместо того, чтобы попросту исторгнуть то чужое, что и рождало эту смесь. Лишь в новейшее время нам открылось, в чем же самобытность народа и каково ее значение для внутренней жизни людей, и это понимание побуждает нас адекватно перевести на немецкий язык выражения чужого восприятия.

Вот один пример тому. Мы видим, с каким пристрастием Иисус разъясняет Своим слушателям ценность, значение и действие внутренней позиции или поведения, говоря о награде, ожидающей за это в будущем. Но так Он лишь выражает на иудейский² лад обусловленную законами природы причинно-следственную связь явлений, с одной стороны, и живой личный интерес – с другой, присущий иудейскому мировосприятию. Иисус был бесконечно далек от мысли видеть в обетованных блаженствах нечто вроде награды за земные заслуги. Ведь именно такую трактовку Он обличает, например, в притче, изложенной в Евангелии от Луки (*Лк 17:7–10*)³. Но для иудеев это было привычным и живым выражением как взаимосвязи между причиной и следствием, так и движущего ими личного интереса. В Ветхом Завете нетрудно увидеть, что взаимоотношения Бога с Его народом сводились к непрекращающемуся торгу между ними. Этот народ воспитывается с помощью вознаграждений и наставляется с помощью обещаний.

Но нам, немцам, во всяком случае, совершенно чуждо и до глубины души противно, трудясь для высших целей, думать: а что мне за это полагается? Для нас подобное постыдно и подло. Кто с этим не согласен, у того, значит, кровь испорчена инородной лимфой. Изначально нам это было несвойственно. Знаменитая немецкая верность зиждилась у наших предков не на золоте или земле, а на сопереживании и сохранялась до самой смерти, просто потому, что мы не могли по своей сути иначе. И всякий раз, когда немецкая вера восставала против про-

² Возможно, это для истории возникновения христианства и важно, но все же следует обращать внимание на то, что в целом данные рассуждения на наше время переносить нельзя. В некоторых местах даже имеет смысл вместо «иудейский» читать «ветхозаветный» (так, например, в отношении поднимаемого здесь вопроса о существовании Церкви). – Прим. издателя.

³ И еще отчетливее об этом см.: Мф 7:21–23.

низанного иудейством существа Церкви и корыстолюбивой набожности, немецкое сердце тут же выстукивало: «Я хочу любить Тебя без всякой награды, даже в самой страшной нужде».

Робкие натуры, неспособные неустрашимо верить ни во власть истины, ни в человеческую искренность, естественно, начинают подозревать, что на этом пути мы упускаем самое существенное в Евангелии. Это было бы несомненно так, если считать его по сути иудейским. Но если это всего лишь проявление образа мышления данного народа, в котором общечеловеческое начало Евангелия отражается своеобразно, то мы постигнем его суть лишь после того, как, отделив все чужеродное, усвоим его в немецком восприятии.

2. Затем «онемеченное» следует *осовременить*. Ведь речь идет не только о самобытности народов, но и о различии в уровнях их культуры, что преодолеть, пожалуй, куда труднее. По крайней мере, на мой взгляд, христианство во все времена страдало от того, что данное «преобразование» никогда не происходило свободно и с сохранением изначальной его сути, а в каждую новую эпоху переносились и традиции, унаследованные от предшествующих времен. И неудивительно, что они тормозили развитие человечества. Правда, все не выдерживающее проверки временем негласно или после жестокой внутренней борьбы отбрасывалось. Но отбрасывалось и самое существенное в Божественном послании человечеству. Или же новые обстоятельства разворачивали свое стихийное и по большей части скрытое влияние, которое заставляло умолкнуть все, что противилось ему. Однако при таком чисто внешнем и безличностном подходе утрачивалась живая и плодотворная связь как раз с тем самым изначальным смыслом Евангелия, а его понимание черпали уже не из самого источника, а из тех низин, где его воды заносило песком. Как бы то ни было, связь с тем или иным настоящим не становилась живым творческим событием, а всегда оборачивалась сомнительным компромиссом.

Евангелие может стать для нас благой вестью лишь в том случае, если мы будем постигать его своим современным умом совершенно свободно и в его изначальной сути, если оно явится нам из лона нашего времени как наше собственное переживание. В конце концов пора перестать с той или иной степенью свободы перетолковывать на современный лад слова Иисуса и более или менее рабски следовать тому, что нам в них видится. Пора вбирать в наше сокровеннейшее сознание отыскиваемые в нем истины и жизненные импульсы, мерил истинной ценности и жизненные ориентиры, позволяя им подобно семенам всходить в нашем сегодняшнем восприятии, с тем чтобы эти новые ростки расцветали во всей красе и полноте своих жизненных сил в наших современных условиях, в наших современных воззрениях и приносили нашему времени зрелые плоды, сохраняя свою изначальную суть.

Проблемы и беды человечества, как и оно само, имеют свою историю и свои судьбы. На смену старым появляются новые, а то, что осталось, изменяется под влиянием обстоятельств, придающим им конкретный облик, изменяется в восприятии и представлениях, в которых оно становится для нас переживанием и ясно осознается нами. Сегодня просто невозможно – ни внешне, ни внутренне – вернуться на уровень культуры эпохи Иисуса. Да и какой смысл нам спускаться в катакомбы прошлого: жизнь мы обретем, лишь когда Иисус восстанет из них и предстанет перед нами – сегодняшними людьми. Мы услышим Его спасительное слово, если оно войдет в актуальные жизненные проблемы и жизненные интересы современности и проявит в них себя творческой жизненной силой.

Но мы воспримем Его голос в современном звучании и выразим услышанное на языке нашей жизни только в том случае, если не ограничимся внешней стороной Его деяний, а почувствуем прямую связь с тем, что открылось людям в свойственных Его времени формах жизни и бытовавших тогда представлениях. Если мы лишь ухватимся за Его одеяние, в какое тогда было облачено общечеловеческое начало, равно значащее для всех эпох, то у нас в руках окажется не Он сам, а всего лишь реликвии Его земного странствования. Да к тому же мы увидим Его в том понимании и жизненном образе, который соответствует нашему уровню культуры.

Подобный метод осовременивания Евангелия отнюдь не нов, как может показаться. Так поступал еще апостол Павел. А неразумные люди обвиняют его том, что он основал христианство заново. На самом же деле никто так хорошо не понимал Христа, никто так точно и жизненно не объяснял Его из самой сути вопроса, как именно Павел. Например, в его Послании к галатам мы находим аналогичное сказанному и в Евангелии от Матфея (глава 5, стих 17 и далее), но осовремененное им, как того требует живое понимание Иисуса, и адресованное именно галатам.

3. «Онемеченное» и «осовремененное» должно в итоге стать для каждого личным переживанием некоего индивидуального образа. Каждый человек обязан внять тому, что, в частности, именно ему говорит сегодня Иисус. Его долг – искренне осознать, какое значение именно для него имеет то, что Иисус по сути говорит всем, как ему это уловить в своем собственном переживании и какое продолжение следует дать тому переживанию с учетом своих внутренних и внешних обстоятельств. Ждать подобных разъяснений от кого-то – бесполезно. Тот, кто не увидел этого сам, еще не пришел к живому пониманию Иисуса. Но кто Его действительно понял, тот знает, насколько важно то, что именно он обязан делать, дабы воздать должное своей доле истины. Таким образом, я, конечно, могу попытаться «онемечить» и «осовременить» Нагорную проповедь, но вот «индивидуализировать» ее каждый читатель должен сам. Этого никто за него не сделает.

Предпосылки живого понимания

Живое понимание, органично сочетающее в себе «онемечивание», «осовременивание» и «индивидуализацию», имеет, естественно, вполне определенные объективные и субъективные предпосылки.

1. Открывающиеся нам истины должны быть сами по себе непреходящими, независимыми от характера народа и уровня его культуры, какими бы изменчивыми ни были формы их представления и практические проявления в различных областях Земли и в различные времена. Я не просто верю в присутствие их в речах Иисуса, о чем и заранее заявляю, это логически вытекает из того, что в Нагорной проповеди, которой и посвящена настоящая книга, речь явно идет об особенностях и естественных законах человеческого существа, его становления и его жизни, которые будут действовать до тех пор, пока на Земле живут люди. Не признающий этого поверхностно смотрит на явления, в которых основные человеческие законы открывают себя в условиях нашего пространственно-временного мира, и пока что не проник в их суть, а все еще держится за свои представления, манеру поведения, образ жизни, культурные отношения.

Законы жизни и развития растений повсюду и во все времена одни и те же, но проявляют себя не одинаково в зависимости от почвенно-климатических условий, и потому растения отличаются по внешнему виду – листьями, цветками, плодами. За тысячелетия растительный мир стал настолько совершенным и многообразным, каким мы видим его сегодня. Естественные законы человеческого существа так же неизменны, но в различных условиях они действуют и проявляют себя по-разному и воспринимаются (если только вообще воспринимаются) человеческим сознанием в зависимости от уровня духовного развития.

Поэтому содержание Нагорной проповеди, каким бы ни было наше отношение к Иисусу, к Его личности и Его делам, сохраняет свой неизменный смысл и остается в силе, как бы ни старались мы уклониться от действия ее естественных законов и как бы ни приуменьшали ее значение. Но в этом случае мы недооцениваем, скорее, собственные жизненные условия, отчего, естественно, и страдаем. А посему те же самые основные законы могут быть трансформированы применительно к индивидуальным особенностям каждого народа и состоянию культуры, и уж тем более к жизненным обстоятельствам каждого человека. И это должно обязательно произойти, иначе мы так и будем цепляться за внешнее, преходящее, за оболочку, не замечая творческой силы сущностного ядра.

На протяжении столетий так оно и было, несмотря на каноническую значимость проповеди и ее возвышенное почитание. И это указывает на то, что нужна еще одна предпосылка.

2. Любая эпоха должна прежде созреть и открыться для принятия истины, сообщаемой ей трояким образом, иначе невозможно будет отыскать в причудливых трактовках прежних эпох скрытое в них сущностное и непреходящее начало и придать ему актуальный вид, соответствующий настоящему времени. Проблемы, о которых идет речь, должны быть живыми, и в них непременно должны ощущаться напряженности, путь к избавлению от которых и открывают те древние слова.

Несомненно, глубокий смысл Нагорной проповеди сегодня доступен как никогда, ибо становление человека, естественные законы которого скрыты в Нагорной проповеди, наконец-то стало жгучим жизненным вопросом для современных Ищущих правды. Они чувствуют, что мы еще не стали теми, кем нам надлежит быть, и весь прогресс культуры будет бессмысленным до тех пор, пока в нас не начнется некий процесс творческого развития, которое охватит всю область человеческого естества. Нам хочется стать людьми – такова главная черта Ищущих сегодня.

Но пути к этому не знает никто. В такой беспомощности самого жгучего, страстного желания есть нечто прямо-таки трагическое. Законы и процессы природы, ведущие к цели, неизменно являются для всех пророков будущего, как бы они ни назывались, непостижимой тайной. Пророки лишь предсказывают и возвещают, как должно быть, но никто из них не в состоянии привести в это будущее.

Нагорная проповедь, напротив, не грезит восторженно и красноречиво о том новом, которое придет и не может не прийти, а указывает пути к нему, раскрывая пред нами естественные законы становления человека. Во всей духовной истории человечества бесполезно искать ответ на вопрос, занимающий сегодня всех, кто склонен к размышлениям: как в самом деле стать человеком, как достичь нам такой общественной жизни, которая творчески содействовала бы достижению человечеством своего совершенства, как нам прийти к новому порядку вещей, который принесет нам удовлетворение и окажется достойным нас? Одна лишь Нагорная проповедь указывает нам путь к этой высшей цели и раскрывает тайну творческого развития в существе человечества, которое самым непосредственным образом отражается на всем, что его окружает, внося порядок и придавая должный вид.

Вот где скрыта причина того, почему сегодня все ищущие умы, не давая себе в этом отчета, испытывают к Нагорной проповеди магическое влечение. Хотят они того или нет, но чутье на правду и спасение неизбежно наводит одного за другим на нужный след, и тот, кто не хочет зачехнуть в беспомощном скептицизме и всю жизнь блуждать во тьме, непременно пойдет по этому следу.

Таковы скрытые закономерности, неумолимо действующие независимо от наших личных желаний и воззрений. Поэтому Нагорная проповедь – неизмеримо больше, нежели просто удивительный документ прошлого. Это компас, указывающий человечеству направление в будущее. И по мере нарастания в нас ощущения внутреннего беспокойства и потребности в становлении наполнится жизнью и Нагорная проповедь – как разрешающее наши проблемы слово и ведущий за собой лозунг.

Поэтому наше время, как никакое другое, благоприятно для понимания Нагорной проповеди, исполнения ее заповедей и устранения всех препятствий на пути потока заключенной в ней жизни.

3. И если такому суждено произойти, то нам просто необходимо наконец-то лично ощутить живое понимание того, чего мы так добиваемся. И при этом оказывается не столь важным сам факт отражения в нашем сознании всего открываемого в прошлом непредвзятым и зорким взглядом. Мы постигаем скрытую истину, засвидетельствованную и высказанную в давние времена, лишь в той мере, насколько она сама становится нашим внутренним переживанием. Любой природный или жизненный факт будет оставаться для нас чуждым до тех пор, пока мы не познаем его на собственном опыте. Мы не проникнемся пониманием устройства и сути человеческого существа, пока они не начнут действовать в нас самих. Но в жизни Иисуса открылось еще и бытие совершенно нового рода. Разве можно понять это бытие как таковое или применительно к условиям того времени, если оно в тебе не зарождается и не проявляется? Вот почему вам надобно родиться заново, коли вы хотите хотя бы только увидеть Царство Божие, осознать его и понять. Лишь по мере становления в нас Царства Божьего наш взор проясняется, и мы все больше проникаемся его пониманием.

А посему глубоко заблуждаются те, кто считает, будто понимание Иисуса – вопрос чисто теоретический и правильную точку зрения на Его взгляды можно выработать, если тщательно проштудировать Библию, чтобы затем дать людям с духовными интересами верное представление об этом, в точности соответствующее нашему времени. То и другое в равной степени невозможно. Всякое теоретическое мудрствование со словом Иисуса на теологическом или самодеятельном уровне равносильно к обращению с Его высказываниями как со святыми мощами, которые исследуют или, поклоняясь им, возносятся душой. Они видят в них некий смысл,

который на понятийном уровне в какой-то степени, возможно, и увязывается со словом Иисуса, но от этого им не становится яснее смысл самой жизни, пылающий в глубине Его слова ярким огнем, поскольку он открывается лишь тем, кто того заслуживает.

Значение непредвзятого, обостренного научным знанием взгляда в прошлое – как еще одной предпосылки живого понимания – несколько не опровергается моим следующим утверждением: лишь в той мере, насколько мы в реальности ощущаем присутствие Иисуса и следуем Ему, настолько открываем Его для себя, настолько Он становится для нас смыслом жизни. Мы понимаем исходящие от Него предзнаменования лишь в той мере, в какой следуем Его указаниям, и насколько точно придерживаемся направления Его жизни, настолько и понимаем, что это значит. Постигание Иисуса возможно только личным опытом, в противном случае оно превратится в набор хаотичных действий, диктуемых слепым непониманием. Здесь речь идет о новом образе жизни, но эта жизнь должна прежде зародиться в нас и возникнуть в реальности, иначе нам никогда не прийти к живому пониманию Его дел и законов.

Нужно в самом прямом смысле не просто настраиваться на Иисуса и добиваться внутреннего согласия с Его замыслами, а непосредственным образом переживать сказанное Иисусом. Однажды мне кто-то написал, что с тех пор, как он стал смотреть на свое имущество только как на доверенное ему благо и управлять им в духе Божьем, ему удивительным образом открылось в словах Иисуса много такого, что, казалось бы, не имеет к его обстоятельствам никакого прямого отношения. Вот как следует, по-моему, стремиться понимать Иисуса, ибо понимание Его достижимо только в процессе самой жизни. Его рассеиваемые повсюду истины попадают в открытые для них сердца, где они дают пышные всходы, прорывая, благодаря заключенной в них силе, словесную оболочку и расцветая во всей красе своего изначального облика. По мере переживания этих истин и приходит их понимание. Вот почему их нельзя объяснить. Без соответствующего жизненного опыта их просто никто не поймет.

Поэтому я и не собираюсь никому объяснять и растолковывать Нагорную проповедь. Это абсолютно невозможно. Я скорее готов к тому, что следящие без особого напряжения за ходом моих мыслей, дочитав книгу до конца, заявят, что не понимают, как все-таки Нагорная проповедь указывает нам торный путь к решению проблемы человека. Он укажет этот путь лишь тем, в ком искание времени живет изначальной жизнью и делает его восприимчивым к слову Иисуса. Про таких справедливо говорят: имеющему и дается, дабы он имел в изобилии, про других же: смотрят, да не видят. Потому что не понимают.

А коли «онемечивание» и «осовременивание» означает не произвольное объяснение на свой лад, но оживление общечеловеческого, сущностного содержания слова Иисуса в условиях такого же внутреннего напряжения и такой же изначальной восприимчивости нашей эпохи, то мы не можем позволить себе ограничиться простым установлением того, какими представлениями руководствовался Иисус в Своих высказываниях и какого конкретного воздействия от них ожидал, какие скрытые истины прочувствовал и намеревался привнести в нашу жизнь, какие тайны становления раскрывал перед нами, указывая новые пути.

Отсюда наша обязанность – представить себе это по-своему и подобрать наиболее подходящие для нашего времени формы. Кто с подобными доводами согласен, для того мериллом подлинности толкования будет не то, вытекают ли мои рассуждения чисто филологически из слов Иисуса, а то, соответствуют ли они самому существу вопроса, о котором свидетельствуют положения Нагорной проповеди, содержащие практические выводы. Ведь наша цель – не постижение того, что же думал тогда Иисус (такое постижение – только средство для ее достижения), а в уяснении для себя того, что нам следует думать при этом сегодня, чтобы достичь живого понимания, и что затем делать, если мы считаем, что сказанное адресовано нам лично.

Это довольно затруднительный способ передачи слова Иисуса нашему времени, но другого пути нет. В сущности, те глубокие человеческие истины и решения, которые провозглашал

Иисус и которые Он никогда не высказывал без наглядного подтверждения их Своим образом и Своей жизненной позицией, должны обрести живые очертания и в нашем нынешнем поколении. Тогда они будут по-настоящему переживаться и ощущаться в их изначальности всеми открытыми для этого людьми. И если бы они затем изрекались живыми свидетелями их правдивости, то выражались бы словами, исходящими из глубин личной жизни сегодняшних людей и отличающимися безыскусностью и чистой, как родник, изначальностью. Они звучали бы на нашем языке, применительно к нашим условиям и бедам, в полном соответствии с нашей способностью к их восприятию. И тогда бы мы от этих правдивых слов без всяких затруднений приходили к слову Иисуса, поскольку при чтении уже переживали бы его.

Место и значение Нагорной проповеди в делах Иисуса

Судя по всему, Нагорная проповедь была произнесена в определенный период земной жизни Иисуса, при определенных условиях. В ее словах отражены Его первые шаги, и содержание их близко нам, поскольку речь идет о личном внутреннем отношении ко всем сторонам жизни, к которому Он хотел привести всех, обратившихся к Нему.

Но коли слово Нагорной проповеди восходит к начальному этапу миссии Иисуса, то и понимать его следует, исходя из конкретных условий, в которых оно родилось, иначе мы не достигнем живого осмысления всего того, что мы хотим постичь сообразно его сути.

В общении с Иоанном Крестителем у Иисуса возникло осознание Своего исключительного положения и Своей необычной миссии перед лицом грядущего Царства Божьего, заполнившее собой всю Его личность. В Нем и благодаря Ему было суждено произойти событию, которое стало воплощением всех пророческих предсказаний и исполненной верой неутоленной тоски Его народа: старая мировая эпоха близилась к концу, неумолимо начинался новый Божий день, который должен был принести с собой искупление и исполнение давней мечты, стать новым заветом живых сердец с Всевышним, Откровением Божьим в Его народе, возвещающим ему, что познание Бога охватит всю Землю подобно нахлынувшим могучим волнам.

Как Иисус себе это представлял, в виде какого процесса и в какой форме – предмет спора современных ученых. Не думаю, чтобы у Него вообще было четкое понятие о Царстве Божьем и его пришествии, подобное выработанному теологами на основе Его слов, исходя из религиозных представлений, господствовавших в то время. К тому же все Его переживания и восприятия были исключительно своеобразными и непосредственными.

А если так, то и Его представления в непрерывающемся потоке жизни, превращения и становления, что является неизбежным следствием развития и жизненного труда каждой личности и полноты ее каждодневных переживаний, были свойственны по крайней мере и всем тем, кто живет, руководствуясь своим самобытным восприятием. Доказательство тому – уже одни только многочисленные различия и противоречия, которых не могут сгладить даже самые изошренные теоретики, отчего и вынуждены начисто отметить все не совпадающее с их понятиями или доказывать, будто это чуждо слову Иисуса и преднамеренно привнесено в него. Они ведь и не подозревают, насколько необходима для духовного развития такая внутренняя напряженность в сознании.

По множеству этих отголосков можно лишь предположить, что Иисус, прежде чем появились первые признаки надвигающейся в Его жизни катастрофы, для описания грядущего пользовался образными средствами Второго Исаяи. В то же время история искушений свидетельствует, по-моему, и о том, что поначалу Ему представлялись также иные картины, иные пути. Но все же, вероятнее всего, мысли Иисуса тогда восходили к проповедям Иоанна и его представлениям о Царстве Божьем, чтобы затем, опираясь на них, отправиться на поиски собственного пути.

И это произошло незамедлительно. Мощь внутреннего переживания заставила Его искать уединения в пустыне, чтобы разобраться в Себе и в том, что Его наполняло. Три искушения, которые, как рассказывается в Евангелии, Он испытал во время пребывания в пустыне, позволяют нам заглянуть в самую суть тех навязчивых предложений, которые, неожиданно возникнув перед Ним, сулили Ему достижение поставленной перед собой цели, и во всей ясности разглядеть путь, интуитивно избранный Им и не вызывающий у Него никакого сомнения. Мы должны это себе четко представлять, ибо в Нагорной проповеди мы видим Его уже идущим по избранному пути.

Искуситель приступил к Нему и сказал: «если ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом. Но Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом Божиим».

Вне всякого сомнения, в данном ответе выражен основной закон нового порядка вещей, который постоянно присутствует в словах Иисуса и проявляется в Его личной позиции. Человек – не чистый продукт того, что обеспечивает ему существование в этом мире, не результат обстоятельств и событий собственной жизни, он прежде всего – творение Бога. А потому мы не находимся в полной зависимости от тех средств, вокруг которых и идет вся борьба за существование. В основе своего существа и в глубине нашей подлинной жизни мы стоим выше всего этого. В нас живет нечто такое, чье существование, благополучие и исполнение собственного предназначения не так уж зависят от определенных благ и обстоятельств, и наша личная жизнь начинается лишь тогда, когда мы освобождаемся от их властного влияния и в полной мере раскрываем наше врожденное превосходство над ними.

В нас есть нечто от превосходства Творца над стихиями и созданиями, которые Он сотворил. Оно происходит из нашей сопричастности Ему и возрастает от единения с Ним. И если человек хочет пребывать в истине, то ему надлежит черпать свои жизненные силы из жизненных проявлений Бога, действующих во всем происходящем в мире. Жизнь человека определяется не только ее обстоятельствами и событиями, но и тем, что за ними стоит, и в них находит свое выражение. Ибо Бог говорит с нами через все, что нас окружает. И насколько человек это понимает, насколько этим живет, настолько истинна и его жизнь.

Уже одно это даст нам представление о сути и путях становления грядущего нового. Все человеческое получит подлинный фундамент и, опираясь на него, устремится ввысь. И к тому же станет ясно, что для этого нужно делать. Переворот должен произойти сначала в собственной жизни, а потом уже распространиться и во внешний мир. Слово Божье – семя, и если оно прорастет, то преобразует все.

Приняв данный порядок за основу, Иисус отказался от неисчислимого множества хитроумных приемов и средств, которые невольно оказываются в распоряжении каждого, кто наметил для себя такую же цель. Конечно, Иисус видел в том надвигающемся перевороте не просто изменение настроения сердец, примирившихся с Богом, но и новый порядок вещей, который преобразует все, касающееся человеческого начала и самого человека. Но Он пришел к твердому убеждению, что Его задача – вовсе не избавление людей от жизненных скорбей и житейских неурядиц посредством чудес и иных действий, поскольку внешние бедствия и человеческая безалаберность исчезнут сами собой в результате некоего устройства собственной жизни человека и его проявлений. Не обстоятельства создают человека, а человек обстоятельства – вот главный закон становления нового человечества. Царство Божье, без умаления его универсальной значимости для всех обстоятельств человеческой жизни, не сводится к вопросу о хлебе насущном, для него всего важнее духовное устройство собственной жизни человека. Обновление мира – его выражение и следствие, оно – результат творческого развития и проявления во всех внешних обстоятельствах собственной жизни каждого человека, которая уходит корнями в Божественное начало и именно оттуда получает силы и направление своего становления, своей созидательной деятельности.

Затем сатана повел Его с собой в священный город и, поставив его на крыле храма, сказал ему: «Если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: „Ангелам Своим заповедал о Тебе охранять Тебя на всех путях Твоих: на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею“. Иисус ответил ему: написано также „не искушай Господа Бога твоего“».

Только представьте, насколько Иисус был проникнут сознанием того, что через Него в человечестве установится власть Бога. Неужели тогда у Него не возникала мысль одним махом, магически явив чудо, привлечь внимание к Себе, к Своему делу и таким образом добиться всеобщего признания? Но Иисус устоял перед таким искушением. Сенсационные выступления,

грандиозные манифестации и внешнее воздействие на толпу к Его цели не вели. Царство Божье имеет свое начало в сокровенном, неприметном, рассеянном повсюду. Отныне главный Его принцип – заронить семя нового в скрытую от глаз внутреннюю жизнь открытых ему людей, – ведь «нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано» (*Мф 10: 26*).

Этим, по сути, и объясняется сам отказ. Но из ответа Иисуса мы узнаем еще и глубокую причину такой Его позиции: «не искушай Господа Бога твоего». Именно это и было бы искушением Бога, если бы Иисус, доверившись Его всемогуществу и обетованию, уповая на принятую Им миссию, прыгнул бы с храма. И Он искушал бы Его постоянно, если бы встал на путь магических фокусов и насильно устанавливал новый порядок вещей, пользуясь Богом как инструментом Своего волшебства. Искушать Бога – значит предпринимать нечто по собственному произволу, а затем требовать от Бога, чтобы Он этим произвольным поступком подтвердил Свое сотрудничество с таким человеком, вынуждать Его обнаруживать Себя совершенно необычным образом, склонять творить знамения и чудеса, «внемлить молитвам» и жить, руководствуясь этим, вместо того, чтобы не мешать Его свободному проявлению и ждать от Него откровений. Иисус отвергает тот образ действий, который рассчитывает на прямое вмешательство Бога и нарушение естественных законов, отчего вера вырождается в суеверие, полновластие новой жизни – в волшебство, а сам живой Бог принижается до *deus ex machina*⁴. Тем самым Иисус признает Свою приверженность главному закону пришествия Царства Божьего – дать жизненной силе Вселенной самой ожить и творчески раскрыться в человеке, выступая таким образом за естественное, органичное, внутренне обоснованное действенное проявление Бога в человечестве. Правда, не в меру нашего знания возможного хода событий и закономерностей происходящего, а в соответствии с объективной реальностью, нам пока что по большей части неизвестной. Поэтому Иисус, исцеляя больного, также оставался верным своей изначальной позиции, как и впоследствии, когда не воспользовался всемогуществом Бога для Своего спасения от креста. Ибо Его дела были естественным проявлением полновластия Сына Человеческого, которым Он и был, воплощением полноты Его уникальной личности.

И, наконец, дьявол, возведя Его на самую высокую гору, показал ему все царства Вселенной и их великолепие и сказал: «Дам Тебе все это, если Ты поклонись мне». Иисус сказал ему в ответ: «Отойди от меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Иисус почувствовал искушение достичь Своей цели – добиться власти Бога и славы Его на Земле – с помощью того же мирового существа, которое до сего времени определяло историю и культуру человечества, и осуществлять это теми же средствами и силами, которыми в прежние времена совершалось столько насилия, – пробуждением невиданного энтузиазма в борьбе за некую великую идею; лавинообразно нарастающим числом сторонников, способных подавить любое сопротивление; игрой на различных уродливых инстинктах человека: его тщеславии, властолюбии, боязни наказания, надежде на вознаграждение, суеверии и похоти; объединением людей во всевозможные организации и подчинением их единой воле с помощью догм, законов и правил; с помощью политической власти и социальных институтов; культивированием в них соответствующей внутренней жизни и выстраиванием с помощью целенаправленного отбора нужных форм общественной жизни. Короче говоря, ценой порабощения человека и чисто внешней перестройки внешних условий его жизни. Но вместо власти Бога тогда бы пришла и провозгласила бы себя Царством Божьим власть идеи, религии, политики,

⁴ Буквально – «бог из машины», латинское название драматургического приема древнегреческих трагиков. В тех случаях, когда трагическое действие слишком запутывалось, греческие трагики прибегали к искусственной развязке. В конце драмы они вводили в действие какое-нибудь божество, которое своим вмешательством быстро приводило сложную интригу к определенному финалу. В переносном смысле «*deus ex machina*» означает лицо, неожиданно и немотивированно вмешивающееся в события. – *Прим. перев.*

социального принципа, высшей культуры ума. Не нужно большого воображения, чтобы представить себе возможность всего этого, ибо христианство в очень скором времени не устояло перед подобным искушением и в рамках Католической Церкви прямо-таки со зловещим упорством пошло именно по этому пути.

Иисус решительно отказался и от этой возможности. Его лозунгом было служение одному Богу. Великое событие должно было возникнуть и обрести форму только из Божьего духа и силы, как результат Божьего творения и Его владычества на Земле. Отсюда и ясная, принципиальная отповедь грубому и изощренному обмирщению Его целей и средств, любой половинчатости и смешивания, суррогатам и подражаниям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.